

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ДВЕ ЕКАТЕРИНЫ

Историческая драма

Действующие лица:

Екатерина II — российская императрица**Пётр III** — российский император, ее супруг**Екатерина Дашкова** — княгиня, президент Российской академии наук**Елизавета Воронцова** — фаворитка Петра III, сестра Дашковой**Григорий Орлов** — любовник Екатерины II**Граф Панин** — воспитатель наследника престола Павла, дядя Дашковой**Граф Воронцов** — канцлер, дядя Дашковой**Князь Потёмкин** — фаворит Екатерины II, генерал-фельдмаршал**Князь Дашков** — супруг Екатерины Дашковой**Павел Дашков** — её сын**Ланской** — любовник Екатерины II**Храповицкий** — секретарь Екатерины II

Заговорщики:

Алексей Орлов, Фёдор Орлов, Рославлев, Ласунский, Бредихин, Барятинский

Послы: английский, французский, австрийский, прусский.

Голштинские офицеры. Вельможи, гости, слуги, служанки, солдаты, горожане, егеря. Профессора, инспекторы, библиотекари, сотрудники Академии наук

Действие I. ПЕРЕВОРОТ

Сцена 1

Похоронный зал Зимнего дворца. У гроба с телом усопшей государыни Елизаветы стоит священник и читает молитвы.

Вокруг размеренно ходят служки, курящие благовониями.

С в я щ е н н и к (*привычно произносит*). Души праведных в руке Божьей и мучение не коснётся их. Он испытывал их, как золото в горниле, и принял их, как жертву всесовершенную. Награда их — в Господе, и попечение о них — у Вышнего. Посему получают они царство славы и венец благочестия от руки Господа... От Господа дана им держава и сила — от Вышнего, который исследует дела их и помыслы их полагает...

В зал входит великая княгиня Екатерина с фрейлинами, среди которых Екатерина Дашкова — все они в траурной одежде. Осенив себя крестом, великая княгиня становится подле усопшей, фрейлины замирают за её спиной.

С в я щ е н н и к (*продолжает*). Уповающие на него познают истину и верные в любви пребудут у него, ибо благодать и милость со святыми его и Божий промысел у избранных его...

В зале появляется великий князь Пётр со свитой, в парике и голштинском мундире, на рукаве у него — траурная повязка. Он небрежно крестится, приближается ко гробу и показывает священнику язык. Тот сбивается. Свита угодливо смеивается, стараясь всячески угодить наследнику. Фаворитка князя Елизавета Воронцова подходит к младшей сестре.

В о р о н ц о в а (*негромко*). Здравствуй, сестрица! Как поживаешь?

Д а ш к о в а (*недовольно*). Лиза, ты не думаешь, что твой вопрос не к месту и не ко времени?

В о р о н ц о в а (*небрежно*). Ну, почему же? (*Слегка усмехается*). Другого места и времени я, к сожалению, не могу себе позволить. Да и ты, кстати, тоже. Мы обе — особы подневольные. (*Кивком указывает на великую княгиню*). Ты служишь её высочеству, а я (*победно улыбается*) принадлежу к свите наследника...

Д а ш к о в а (*с издёвкой*). Вначале ты была назначена фрейлиной её высочества, а потом...

В о р о н ц о в а (*иронично пожимает плечами*). Ну, что поделаешь! Сам наследник выбрал меня, а многие этого добиваются весьма безуспешно.

Придворные заинтригованно переглядываются. Великая княгиня Екатерина сокрушённо качает головой. Пётр, продолжая корчить рожи священнику, веселит своё окружение.

П е т р (*задиристо*). Теперь ответьте, господа, кто из нас лучший скоморох — я или он? (*Показывает на священника. Придворные явно колеблются*). Что, господа? Я вас, как это говорят по-русски, озадачил? Не ломайте себе головы — лучше займёмся приготовлением к коронации. Вместо шутовского колпака я скоро надену шапку Мономаха. Вот будет потеха! (*Свита угодливо смеивается*). Не могу смотреть на этот театр! (*Демонстративно отворачивается, бросив уничтожающий взгляд на свою жену. Екатерина опускает голову. Пётр машет рукой*). Пойдёмте лучше играть в карты и пить вино, господа! Кто со мной? (*Придворные, толкая друг дружку, спешат за наследником. Проходя мимо Дашковой, Пётр бросает небрежно*). А вас, дитя моё, я жду к себе сегодня вечером. Вместе с вашим мужем. Будьте непременно.

Его любовница — Елизавета Воронцова — по-грузески кивает сестре.

Дашкова нехотя склоняет голову. Шумная компания покидает зал.

Великая княгиня обращает взгляд на свою наперсницу.

Д а ш к о в а (*горячо*). Ваше высочество, я не собираюсь участвовать в этом позорнице! И мой муж, разумеется, тоже. Мы никуда не пойдём, чего бы нам это ни стоило.

Е к а т е р и н а (*благодарно смотрит на Дашкову и говорит с увещевающими нотками*). Дорогая княгиня, я понимаю ваше негодование, но не следует так сразу вызывать на себя монарший гнев. (*Иронично улыбается*).

Д а ш к о в а (*недоумённо*). Но эти монаршие выходки, ваше высочество, сродни кощунству!

Е к а т е р и н а. Всё это так. (*Подносит палец к губам*). Но наберёмся терпения. И потом... (*В её глазах мелькают хитрые огоньки*). Никогда не мешает узнать побольше, что происходит в стане недругов. Тем паче, если они сами зовут вас в гости.

В зал входят Григорий, Алексей и Фёдор Орловы, Рославлев и Ласунский.

Г р и г о р и й О р л о в (*подходит к Екатерине и говорит вполголоса*). Измайловский и Семёновский полки приведены к присяге, но солдаты недовольны. Назревает бунт.

Е к а т е р и н а (*настораживается*). А что преображенцы?

А л е к с е й О р л о в. Преображенцы колеблются.

Р о с л а в л е в. Их можно понять — великий князь у них числится подполковником.

Е к а т е р и н а. Значит, господа, время ещё не пришло. Подождём.

Д а ш к о в а (*нетерпеливо*). Если ждать, ваше высочество, то сколько? Ведь у нас нет никакого плана!

Г р и г о р и й О р л о в (*не соглашается*). Какие тут планы? Открутить ему голову, как курёнку — вот и вся печаль!

Е к а т е р и н а (*укоризненно*). Григорий! (*Оборачивается к Дашковой*). Сегодня вечером, княгиня, непременно посетите наследника и будьте там настороже! (*Смотрит на братьев Орловых*). Супруг мой умом не слишком горазд — возможно, он сам вложит карты нам в руки... Как знать!

Д а ш к о в а (*слегка склоняет голову*). Я согласна, ваше высочество.

Заговорщики угрюмо переглядываются.

Е к а т е р и н а (*негромко прибавляет*). Будем действовать осторожно и осмотрительно. И, по возможности, согласно законам и обычаям. Их ведь надобно чтить.

Г р и г о р и й О р л о в (*недовольно*). Покойная матушка Елизавета на законы-то не шибко оглядывалась!..

Е к а т е р и н а (*настороженно*). Ты это про что, Григорий?

А л е к с е й О р л о в (*говорит вместо брата*). Это он намекает на Иоанна Антоновича.

Е к а т е р и н а (*испуганно оглядывается*). Тс-с-с... Не надо об этом! (*После секундной паузы*). Ещё не все полки приведены к присяге и пока наследник ещё не стал императором, согласно воле усопшей. (*Она истово крестится, и все её окружение тоже*).

С в я щ е н н и к (*дотоле невнятно бормотавший, возвышает голос*). Любите Господа все праведные его. Да хранит Господь верных, а поступающим надменно воздаст с избытком, наказуя их. Мужайтесь, и да укрепятся сердца ваши! Мужайтесь все, уповающие на Господа!..

Заговорщики переглядываются, осеняя себя крестным знаменем.

Сцена 2

Зал дворца в Ораниенбауме. Пётр, в компании ближайших придворных и гоштинских офицеров, курит трубку и пьёт вино. Чуть в стороне – группа молодых женщин, среди которых фаворитка наследника – Елизавета Воронцова.

Пётр (*громко и весело восклицает*). Пейте и веселитесь, господа! С началом моего воцарения я обещаю вам спокойную и сытую жизнь! Безо всяких войн и потрясений, уж поверьте.

Один из придворных. А каковы, ваше императорское высочество, наши успехи на театре военных действий?

Пётр (*бросает небрежно, попыхивая трубкой*). В войне с великим Фридрихом, что ли? Я предложу королю мир. Безо всяких предварительных условий. И возвращу Пруссии все завоёванные земли – в залог нашей вечной дружбы.

По залу ползет тихий, недоумённый шепоток. Гоштинцы удовлетворенно улыбаются, а остальные придворные явно растеряны. В зал входит камер-лакей и докладывает: «Князь Дашков с супругой». Пётр машет рукой: «Проси». Появляется Дашков в военном мундире, под руку с ним Екатерина Дашкова. Наследник вскакивает со стула и быстрым шагом спешит им навстречу. Подходит к Дашкову.

Пётр (*с укоризной*). У вас, князь, небрежно повязан галстук и букли великоваты, а впрочем, я рад видеть вас здесь, вместе с вашей очаровательной супругой. Кстати, с моєю крестницей! (*Дашков сдержанно кланяется. Его половина грациозно приседает*). Я полагаю, что вас это обрадует – нынче мне пришла в голову удачная мысль назначить вас вторым капитаном в Преображенский полк! Каково?

Дашков (*негромко*). Благодарю за честь, ваше высочество.

Пётр (*грозит ему пальцем*). Признайтесь – вы рады тому, что вас не отправляют в действующую армию? Подальше от такой милой супруги, ведь верно? (*Дашков не успевает ответить, как наследник поворачивается ко всем присутствующим и во всеуслышание изрекает*). Отныне, мне думается, все должны быть благодарны провидению, что я, наконец-таки, прекращаю эту несносную войну!

Дашкова (*удивлённо*). Войну с Пруссией, ваше высочество?!

Пётр. Да. Неудачную и позорную кампанию против величайшего из людей.

Дашков. Она не всегда была неудачной, ваше высочество, и тем более – позорной! Мы одержали несколько блестящих побед...

Дашкова (*подхватывает*). Наши войска брали Берлин, Кёнигсберг, Мёмель...

Дашков (*вторит ей*). И если бы не бездарное командование Апраксина, а потом Фермора...

Пётр (*снисходительно усмехаясь, перебивает их*). Апраксин и Фермор тут ни при чём!.. (*Выдержав паузу, горделиво бьёт себя в грудь*). Великий Фридрих имел такого ничтожного союзника, как ваш покорный слуга, заметьте... (*В зале царит общее недоумение. Наследник наслаждается произведённым эффектом, а затем обшаривает взглядом присутствующих*). А где Волков? Где мой секретарь?..

Секретарь (*откликается растерянным, убитым голосом*). Я здесь, ваше высочество.

Пётр (*победно признаётся*). Расскажите-ка, любезнейший, как вы тайком копи-ровали секретные распоряжения покойной императрицы, направляемые в армию, и передавали их кому следует. Поведайте всё это нам. (*Секретарь бледнеет и молчит. Пётр с усмешкой комментирует*). Бедняга проглотил язык! (*Окидывает взглядом зал*). Надеюсь, вы понимаете, господа, кому отправлялись эти копии? Вот вам и результат! (*Разводит руками*). А занятые города мы охотно возвратим их законным владельцам. Все до единого. Пусть радуются. (*Супруги Дашковы потрясённо переглядываются. Княгиня едва-едва сдерживает негодующий порыв мужа*). Но ежели вы хотите совершить героические подвиги во славу своего отечества – я могу вам это предоставить – и завтра же объявлю войну, допустим... (*на секунду задумывается*) Дании... Каково? (*Придворные подавленно молчат. Пётр, на всякий случай, отходит от четы Дашковых и обращается к своей любовнице*). Lise, принимайте гостей и окажите особое внимание своей сестре. (*Оборачивается к гоштинским офицерам*). Ihnen ist nicht langwilig, mein Herren? (Вы не скучаете, господа?)

Гоштинцы (*гружно*). Nein, nein, Herrscher! (Нет-нет, государь!)

Пётр подсаживается к ним, принимает услужливо протянутую трубку с глиняным чубуком, жадно затягивается. Елизавета Воронцова подходит к сестре, любезно берет её под руку.

Воронцова. Милая сестрица, как здоровье нашего дорогого батюшки?
Дашкова (*сдержанно*). Батюшка, слава Богу, здоров. А вот дядя...

В о р о н ц о в а (*с понимающей улыбкой*). Наш дядя-канцлер, вероятно, болен дипломатической болезнью, не иначе...

Д а ш к о в а (*пожимает плечами*). Лиза, ты о чём? Я не понимаю...

В о р о н ц о в а (*авторитетно*). Он занемог оттого, что боится потерять свой высокий пост.

Д а ш к о в а (*сдержано соглашается*). Это вполне вероятно, и его можно понять. Он служил отечеству, не щадя живота своего. Недаром его так ценила покойная государыня.

В о р о н ц о в а (*спокойно*). Пусть служит и далее. Мы не собираемся его менять.

Д а ш к о в а (*удивлённо*). Вы?! Но позволь...

В о р о н ц о в а (*слегка смутившись*). Его императорское высочество. (*Собирается с духом*). Завтра, кстати, он станет полноправным государем, а наш дядя — его правой рукой...

Д а ш к о в а (*недоумевает*). А как же коронация в Москве? Это наша национальная традиция! Ведь покойная императрица вовремя соблюла её...

В о р о н ц о в а (*небрежно*). Зачем нам эти азиатские порядки? И дурацкая шапка Мономаха... Нынче уже трону присягнули все полки, и завтра выйдет манифест на царствование всероссийского императора Петра III...

Дашкова потрясённо молчит. Муж её, не находя себе места, нехотя подходит к кучке придворных, а те предупредительно расступаются.

П ё т р (*выпив очередной бокал вина, восклицает громогласно*). А теперь, господа, за карты! Не за военные, Боже упаси, а за мирные — с королями и дамами! Предлагайте ваши ставки. Будет большая игра!

Слуги вносят зелёные ломберные столы с колодами карт.

Придворные и голштинцы оживляются. Между гостями снуют лакеи с подносами, на которых теснятся бокалы с вином.

Сцена 3

*Спальня Екатерины в Петергофском дворце.
Екатерина и Григорий Орлов ужинают вдвоем.*

Е к а т е р и н а (*задумчиво*). Ты знаешь, Григорий, эта молодая Дашкова в чём-то права. У нас и вправду нет никаких планов, даже приблизительных.

Г р и г о р и й О р л о в (*нехотя соглашается*). Ma chere, честно признаюсь — я в этом деле не горазд. Вот мой Алёшка! (*Отпивает вина*). Он, между нами говоря, как-то предлагал устроить твоему благоверному добрую засаду где-нибудь на охоте. В лесу или на озере. Какой-нибудь случайный выстрел, как полагаешь?.. (*Екатерина в раздумье качает головой. Орлов деловито прибавляет*). А ргос, где он охотится-то?

Е к а т е р и н а (*через минуту*). Где охотится Пётр? Конечно, у себя в Ораниенбауме.

Г р и г о р и й О р л о в. Со своей немчурой? (*Екатерина сдержанно улыбается*). Тогда к нему не подступишься. Можно, конечно, кое-кого подмаслить, но это дело не быстрое...

Е к а т е р и н а (*явно не понимая*). Как это — подмаслить?

Орлов намеревается всё объяснить, но тут раздаётся стук в дверь.

Екатерина: «Entrez!» В спальню заглядывает камеристка.

К а м е р и с т к а. Ваше высочество, к вам пожаловала княгиня Дашкова!

Е к а т е р и н а (*смешавшись, смотрит на любовника, потом говорит прислуге*). Проси! (*Указывает Орлову на ширму, закрывавшую постель*). Спрячься скорее!..

Любовник на цыпочках проворно скрывается за матерчатой преградой.

Екатерина встаёт. В спальню входит Дашкова.

Д а ш к о в а. Ваше высочество, приношу глубочайшие извинения, но, поверьте, обстоятельства...

Е к а т е р и н а (*идёт ей навстречу*). Не волнуйтесь, дорогая княгиня! Я всегда готова принять вас. В любое время дня и ночи.

Д а ш к о в а (*сжимает ей руки*). Признаться — не знаю, с чего начать! Это так ужасно, отвратительно, постыдно!..

Е к а т е р и н а (*тревожно*). Вы меня пугаете, дитя моё! Неужели мой несурзанный супруг решил погубить меня?! Заточить в крепость или в монастырь?!..

Д а ш к о в а (*траурно*). Он решил погубить Россию!..

В спальне воцаряется тишина. Даже Орлов за ширмой сдерживает дыхание. Екатерина отходит от нежданной гостьи и делает несколько шагов по комнате.

Только тут Дашкова замечает на небольшом столике два прибора и бокалы с вином.
Екатерина невольно перехватывает её взгляд.

Екатерина (обеспокоенно). Он предлагает Фридриху мир? Я угадала?
Дашкова (кивает головой). Представьте себе! Он не только готов идти на самые низкие условия, но даже признался в чудовищном проступке...

Екатерина. То есть?

Дашкова (гневно). Его секретарь Волков тайком снимал копии с бумаг императрицы и отправлял их...

Екатерина (догадываясь). Отправлял прусскому королю?! (И вновь в спальне воцаряется зловещая тишина. Орлов за ширмой сжимает в ярости кулаки. Екатерина негодует). Я всегда считала своего благородного лакеем и недоумком, но чтобы пойти на государственное преступление!.. На подлое предательство и злодейство!.. (Она с трудом переводит дыхание). В Цорндорфском сражении мы потеряли двадцать тысяч солдат и тысячу двести офицеров — это была самая кровопролитная баталия нашего столетия! В плен, как вы знаете, попали даже наши генералы!..

Дашкова (печально). Я как сейчас вижу, ваше высочество, скорбное лицо ваше и слёзы во время панихиды по убиенным воинам...

Екатерина (неожиданно восклицает). Я помню, что я — немка... (Поднимает голову). Но я горячо полюбила свою новую родину и не хочу, не желаю стать её благодарной дочерью! (Делает невольную паузу). Мне близки и понятны её печали и радости, её поражения и победы... Я люблю этот народ и хочу принести ему благо!..

Дашкова (в искреннем порыве опускается перед ней на колени). Ваше высочество! Не медлите! Делайте что-нибудь, чтобы не допустить позора России!.. Завтра, точнее, уже сегодня великий князь выпустит манифест и назовётся императором Петром III, нашим законным государем!.. Это ужасно!..

За ширмой Орлов злобно машет кулаками, едва сдерживая себя.

Екатерина (протягивает к Дашковой руки). Княгиня, встаньте! Встаньте, дорогая моя! Я разделяю ваш благородный порыв и ценю ваше прекрасное сердце. (Поднимает гостью с колен и крепко обнимает её). Но давайте рассудим здраво, что мы — слабые женщины — можем в данную минуту предпринять? (Едва заметно улыбается). Вооружиться пистолетами и пойти на приступ? Я, между прочим, неплохо стреляю...

Дашкова (упрямо и твёрдо). Это охотно сделают мужчины. Скажем, братья Орловы, Рославлев, Бредихин, Ласунский, Бяргинский, мой муж!..

Екатерина внимательно слушает и смотрит на неё. Орлов за ширмой замирает.

Екатерина (сочувственно). Покойная государыня Елизавета заняла трон с помощью четырёх гвардейских офицеров... Между прочим, среди них был ваш дядя — Михаил Воронцов. А законный наследник — Иоанн Антонович — до сих пор томится в ужасной Шлиссельбургской крепости. В глухом, неприступном каземате... (На минуту замолкает). И кое-кто из моих друзей предлагает мне совершить очередной дворцовый переворот, как вам это нравится?.. (Дашкова в растерянности молчит. Екатерина убеждённо прибавляет). Я не хочу идти по стопам матушки Елизаветы, хотя покойница имела на это кое-какие права. Как-никак она была законной дочерью Великого Петра. А я?.. (Пожимает плечами). Я — несчастная супруга её племянника, пустого и ничтожного человека, по иронии судьбы ставшего российским самодержцем. На что мне претендовать? И по какому праву?!..

Дашкова (робко). Но судьба нашей родины...

Екатерина (согласно). Я понимаю вас... (Проницательно смотрит на собеседницу). Поверьте, моя милая, мне близко и дорого ваше участие и благородный порыв... Но терпение, княгиня! Имейте терпение... (Вздыхает). Я слишком хорошо знаю этого человека: сделав один опрометчивый шаг — он непременно сделает другой... Множество подлых и глупых шагов. И тогда...

Дашкова (оживляясь). Тогда революция?! Ведь так?..

Екатерина (согласно). Называйте это как хотите... (Вскидывает руки). Тогда его отвергнут не только верхи нашего общества — его низложит сам народ! Так и будет! Поверьте!..

Дашкова (едва не бросается на шею Екатерине). Я буду молить за вас Бога, ваше высочество! Только вы спасёте Россию! Вы — и больше никто!..

Екатерина (сдержанно). Я постараюсь не обмануть ваших надежд, моя милая. Но помните — терпение! (Прикладывает палец к губам). Кстати, а где ваш супруг?

Дашкова (простоудушно признаётся). Он ждёт меня в карете, ваше высочество. Там, внизу.

Екатерина (с улыбкой). Передайте князю мою искреннюю признательность и

скажите, что ему несказанно повезло с очаровательной и верной женой!

Да ш к о в а (*обрадованно*). Благодарю вас, ваше высочество! Обязательно передам!

Женщины горячо обнимаются, и Дашкова уходит.

Орлов выбирается из укрытия, едва не опрокинув ширмы. Он зол и взвинчен.

Григорий Орлов. Мерзавец! Паскудник! Сволочь! Голштинский ублюдок!..

С его уст готово сорваться ещё более крепкое и забористое ругательство, но Екатерина зажимает ему рот.

Екатерина. Гриша! Не надо так волноваться. Успокойся, mon cher...

Григорий Орлов (*отстраняет её руку*). Какое успокойся! Этот гнусный пропойца обезглавил всю нашу армию! Обесчестил российское офицерство!.. (*Мечется по комнате*). Сейчас же подниму измайловцев и семёновцев и возьму приступом это голштинское гнездо! Разнесу его в пух и прах! Ах, скотина! Ах, тварь!..

Екатерина (*повисает на любовнике*). Гриша! Умоляю тебя! Ради Бога! Ради всех святых! Ради нас с тобой! Ради нашего будущего... (*Последние слова немного умягчают пыл разгневанного любовника. Он с маху садится на стул, крепко сжимает руками голову. Екатерина ласково поглаживает его*). Ну, угомонись, mon cher! Пожалей меня и себя. (*Пытается заглянуть любовнику в глаза*). Наш ответ должен быть точен и безупречен. Зачем нам это кровавое побоище? Для чего? Какой в нём резон? (*Орлов заметно смягчается. Екатерина продолжает убеждать*). Мой निकудышный супруг, конечно же, не атлант и не сумеет удержать на своих хилых плечах такую махину, как наша Россия. (*Гладит спину и плечи любовника*). Куда ему! Тут нужна особая статья... Гораздо прочнее и твёрже... Крепче и надёжней...

Орлов крепко обнимает Екатерину.

Сцена 4

Кабинет канцлера графа Воронцова. Канцлер перебирает на столе бумаги, что-то рвет, что-то прячет подальше.

Да ш к о в а (*входит*). Доброе утро, дядя! Я появилась без приглашения, но вы меня, надеюсь, не прогоните и простите — дело не терпит...

Воронцов (*добродушно улыбается*). Здравствуй, ma chere! Я всегда рад тебя видеть! Дай я обниму свою дорогую племянницу. (*Она целует его руку, граф целует гостью в голову*). Ну, что там за дело у тебя? Ведь у нас нынче траур...

Да ш к о в а (*взволнованно*). Разве вы, mon oncle, ничего не знаете? И ни о чём не догадываетесь?

Воронцов (*проницательно щурится*). Опять эти дворцовые интриги? О-хо-хо... Вольно же тебе быть в стане Екатерины? Держалась бы, как твоя сестра Елизавета, возле наследника и хлопот бы никаких не знала! Получала бы милости да подарки. Чем не жизнь?

Да ш к о в а (*нетерпеливо*). Ах, дядя! Разве в этом вся беда? Всё гораздо серьёзней и глубже... Нашу Россию ждёт настоящая трагедия!.. И в самом ближайшем будущем...

Воронцов (*испуганно оглядывается и восклицает негромко*). Catherine, только не надо преувеличений! У тебя слишком горячая голова. Наследник, конечно, отнюдь не подарок, но это ведь не злодей. Не Иван Васильевич Грозный, Господи, оборони!

Да ш к о в а. Он хуже. Он — дурак и предатель!

Граф прикладывает палец к губам. Прислушивается.

Подходит к дверям и тщательно их прикрывает.

Воронцов (*тихо*). Предатель? Откуда тебе это известно?

Да ш к о в а. Прямоком из его уст. (*В упор смотрит на дядю*). Вчера на дворцовом приёме сам наследник заявил во всеуслышание, что по его распоряжению секретарь Волков тайком снимал копии с секретных указов покойной императрицы...

Воронцов (*подхватывает*). И отправлял их прусскому королю? В стан неприятеля?..

Да ш к о в а (*сердито и зло*). Вот именно! Он говорил об этом, вы не поверите, с нескрываемой гордостью и хвастовством!

Воронцов (*непроизвольно*). Вот дурак!

В дверь стучат. Оба вздрагивают. Затем граф говорит твёрдо: «Да-га!»

В кабинет заглядывает слуга.

Слуга. Ваше сиятельство, к вам пожаловал граф Панин.

Воронцов. Проси!

В кабинете появляется двоюродный брат канцлера граф Панин.

П а н и н. Здравствуй, mon cousin! *(Слегка кланяется)*. О-о, здесь и наша любимая племянница! Какими судьбами? *(Братья обнимаются. Панин целует в обе щеки Дашкову)*. Поздравляю тебя, дорогая!..

Д а ш к о в а *(удивляется)*. Поздравляете?.. С чем, дядя?..

П а н и н *(усмехается)*. Ну, как же! Твоего благоверного наш новоявленный монарх назначил вторым капитаном в Преображенский полк! Честь, как известно, немалая...

Д а ш к о в а *(сердито)*. И отправит его на войну с Данией!..

Б р а т ь я *(одновременно)*. Как с Данией?!..

Д а ш к о в а *(возмущённо объясняет)*. Наследник собирается предложить мир прусскому королю и объявить войну Дании.

В о р о н ц о в *(мрачно)*. Я в этом и не сомневался. Всем нам давно известна его неумная любовь к Фридриху и неприязнь к датчанам.

П а н и н *(брезгливо морщится)*. Но простите! Он в своей любви переходит всякие границы. В этом есть что-то отталкивающее и непристойное. Какое-то постыдное холопство...

Д а ш к о в а. Просто он ненавидит Россию! Как её самый закоренелый враг... *(Братья переглядываются. Дашкова сообщает Воронцову)*. Но вас, дядя, он вовсе не собирается отстранять от должности. Вы по-прежнему останетесь на своём высоком посту.

П а н и н *(иронично добавляет)*. И ты, mon cousin, будешь объявлять войну Дании и униженно распинаться перед Фридрихом! Это будет по твоей части...

В о р о н ц о в. Вот этого он не дождётся! Attendez, messieurs!..

П а н и н *(разводит руками)*. Легко сказать! А что делать, если случится на то монаршая воля? Куда ты против неё? *(Воронцов молчит)*.

Д а ш к о в а *(горячо)*. Только революция может поставить всему предел! И унижению, и войне.

П а н и н *(подхватывает)*. Ты говоришь о дворцовом перевороте? Милая моя, мы однажды были тому свидетели... *(Понижает голос)*. Матушка Елизавета, царство ей небесное, взошла на престол подобным же манером... *(Кивает в сторону Воронцова)*. Мой кузен в этом участвовал. А что сейчас? Кому захочется иметь государем полусусу-масшедшего Иоанна Антоновича?!

Д а ш к о в а *(упрямо)*. При чем здесь Иоанн Антонович? У нас есть Екатерина!

В о р о н ц о в *(убеждённо)*. Великая княгиня не может стать императрицей. У неё нет на это ни малейшего права. Она всего лишь супруга без пяти минут государя. И только...

П а н и н *(не слишком уверенно)*. Но отчего же? У неё есть сын — великий князь Павел Петрович. Мой воспитанник, между прочим...

В о р о н ц о в *(сердито)*. Ему всего восемь лет...

Д а ш к о в а *(обдуманно заключает)*. Вот именно. И потому Екатерина может стать регентшей, а законным правителем России будет её сын. Прямой наследник.

В о р о н ц о в *(упрямо)*. Но для этого, мой дорогой, да будет вам известно... *(Понижает голос)*. Нужно убрать не менее законного претендента на царство! По доброй воле он не уйдет ни в какую... Уж поверьте мне!..

Д а ш к о в а. Он будет убран, дядя! Только без шума и кровопролития...

Графы внимательно переглядываются.

П а н и н *(осторожно признаётся)*. Признаться, мне не по душе этот позорный мир с Фридрихом. Ведь мы брали Мёмель и Берлин. Победа уже была у нас в кармане...

Д а ш к о в а *(с жаром подхватывает)*. А тысячи наших павших солдат?! И более тысячи офицеров?! Зачем эти напрасные жертвы?!.. *(Вельможи согласно кивают головами. Дашкова продолжает)*. Солдаты и офицеры возмущены до предела. Назревает бунт. За что они, в конце концов, проливали свою кровь?!.. *(Братья опускают головы. Дашкова нервно прохаживается по кабинету)*. Я понимаю вас обоих — вы занимаете высокие посты и обязаны поддерживать порядок и закон, но сейчас в России творится произвол и беззаконие, и любой честный человек должен этому противостоять! Разве не так? Ну, скажите мне!..

Воронцов молчит.

П а н и н *(кое-как пересиливает себя)*. Catherine, считай, что мы от тебя ничего не слышали. Ни единого слова. Так и знай!

Дашкова безнадежно машет рукой, но почтительно кланяется дядям и быстро уходит. В кабинете воцаряется тишина.

П а н и н *(ворчит)*. Девчонка! Вздорная голова... Посадить на престол Екатерину! Надо же придумать такое!.. Кошмар!..

В о р о н ц о в *(негромко возражает)*. Не Екатерину, а Павла. Екатерина лишь будет регентшей. А ты, как воспитатель её сына, получишь высокие чины и награды...

П а н и н (*внимательно смотрит на собеседника и говорит с нотками недоумения*). Ты что же — согласен с ней? С этой юной пустомелей? Я тебя не узнаю!

В о р о н ц о в (*прозорливо замечает*). За этими юными пустомелями будущее, а мы — только досадная помеха на их пути!..

П а н и н (*с усмешкой*). Революционерка объявилась! В восемнадцать-то лет!.. Grand Dieu!..

В о р о н ц о в (*задумчиво*). Только в эти годы и свергают неугодных правителей. Бесстрашно идут в бой, и случается, на эшафот... (*Глубоко вздыхает*). И совсем не думают о последствиях...

П а н и н (*настораживается*). О последствиях? Ты это о чём, mon cousin?

В о р о н ц о в (*плотно затворяет дверь и переходит на шёпот*). Вместо доброй Екатерины мы можем получить в самодержжцы нового Гришку Отрепьева — Гришку Орлова. Тебе это не приходило в голову?

П а н и н (*встревожено уточняет*). Орлова? Её нынешнего любовника?

В о р о н ц о в (*мрачно*). Его самого... И в этом главная беда...

Сцена 5

Замок в Оранienбауме. В большом зале накрыт торжественный и пышный стол. За одним его концом расположился император Пётр III в окружении гоштинских генералов и фрейлин, среди которых Елизавета Воронцова, за другим — Екатерина со свитой вельмож, среди них — княгиня Дашкова.

Между царствующими особами сидят послы, придворные и иностранные гости.

П ё т р (*торжественно провозглашает*). Итак, господа, мы поднимаем тост за окончательное завершение этой затянувшейся кампании, стоившей стольких жизней обеим воюющим державам — Пруссии и России! За прочный и вечный мир между нами! И да поможет нам Господь!

Император чокается с прусским посланником. Гоштинские генералы шумно приветствуют царя, весело чокаются и пьют. Остальные гости и послы весьма сдержанно отзываются на реплику нового императора, едва пригубивая бокалы.

А н г л и й с к и й п о с о л (*осведомлённо вопрошает*). Но ходят слухи, ваше величество, что Россия готова вступить в другой военный конфликт... Это так?

П ё т р (*оставляет бокал с усмешкой*). Британия, как всегда, осведомлена обо всём прежде других. Но открою вам, господа, великую тайну — нынче же, после этого торжества, мы отправляемся в Кронштадт инспектировать наш российский флот...

А в с т р и й с к и й п о с о л (*недоумевает*). Флот?! Почему флот, Ваше императорское Величество?..

Ф р а н ц у з с к и й п о с о л (*с улыбкой*). Неужели Россия собирается грозить владычце морей — Британии? Это любопытно...

А н г л и й с к и й п о с о л (*в ответ*). Вы ошибаетесь, мой дорогой! Выход в Атлантический океан, как известно, контролирует Дания — ей, вероятно, и достанется больше всех!

П ё т р. Но хватит о войнах, господа! Второй тост мы предлагаем поднять за величайшего из ныне здравствующих монархов, гениальнейшего из людей — прусского короля Фридриха! Виват ему, господа!..

Пётр чокается с прусским послом, с гоштинцами. Они гружно и радостно пьют.

Пьют фрейлины во главе с Елизаветой Воронцовой. Екатерина и её окружение не притрагиваются к вину. Иностранные же послы слегка поднимают бокалы.

Император недовольно замечает это.

П ё т р. А вы, господа послы, не желаете здоровья и благополучия мудрейшему из государей? Нам странно видеть это! Чем он заслужил такую немилость?

Ф р а н ц у з с к и й п о с о л (*опять с улыбкой*). Нет, отчего же? Мне, например, Ваше Величество, весьма симпатична эта история с мельником. В ней прусский король показал себя с самой благородной стороны...

П ё т р. Что это за история? Мы впервые о ней слышим...

Ф р а н ц у з с к и й п о с о л. Вот как? Тогда я, с вашего позволения, поведаю её всем присутствующим. История весьма любопытна. Покорнейше прошу внимания, господа! Суть её в том, что вблизи личных владений короля, рядом с его родовым замком, находилась усадьба одного мельника, и шум её колес мешал его величеству отдыхать...

П ё т р. Ну, так отобрал бы мельницу или приказал её сломать. Какая беда?

Ф р а н ц у з с к и й п о с о л. Это вполне возможно, Ваше Величество. Но Фридрих поступил иначе — он решил выкупить усадьбу с мельницей за приличную сумму.

Втрое больше против настоящей цены. Однако мельник не согласился. Наотрез... *(На лицах гостей застыло недоумение и оживание)*. Тогда король, представьте себе, подал на мельника в суд...

А н г л и й с к и й п о с о л. И королевский суд всё решил в пользу монарха. Остроумно...

П ё т р. А мельник остался с носом! Так ему и надо!

Ф р а н ц у з с к и й п о с о л. Увы, нет, господа! Процесс выиграл мельник, поскольку этой мельницей и землёй издавна владели его деды и прадеды — она принадлежала ему по праву. И король покорно отступился...

Присутствующие озадачено молчат. Неожиданно раздаётся голос Дашковой.

Д а ш к о в а. Эта история говорит о том, что в этой стране правит закон, которому подчиняются все, вплоть до царствующих особ. Это прекрасно!

Гости растеряно переглядываются, Екатерина ласково жмёт руку своей наперсницы.

П ё т р. Мы тоже согласны, что беззаконие — это тяжкий грех. И Фридрих и тут не уронил себя. Разве не достоин такой правитель ещё большей славы и уважения?! Виват прусскому королю!

Все присутствующие, включая иностранных послов, поднимают бокалы. Даже окружение Екатерины робко участвует в этом. Лишь императрица и её подруга Дашкова демонстративно не притрагиваются к вину. Пётр замечает это.

П ё т р (своему агъютанту). Генерал, спросите, почему моя венценосная супруга не участвует в общем торжестве? Она что — презирает всех нас?!

Генерал бежит к Екатерине, и что-то шепчет ей на ухо. Она так же тихо отвечает. Агъютант возвращается и склоняется к плечу императора.

П ё т р. Громче!

А д ъ ю т а н т. Её Величество не может пить за заклятого врага своего отечества и желать ему здоровья и благополучия.

П ё т р (во всеуслышанье). Тогда скажите ей, что она дура! Упрямая идиотка! Она ведь немка и в России всего лишь приживалка, а не законная дочь... Тоже мне — нашлась патриотка!

Гости потрясённо переглядываются, а послы прячут понимающие улыбки.

Генерал растерянно поворачивается и направляется выполнять приказ.

Но Екатерина прикладывает к лицу платок, рывком встаёт и выбегает из-за стола. Дашкова спешит вслед за ней.

П ё т р. Скатертью дорога! А теперь, господа, давайте выпьем за российский царствующий дом! За его крепость и процветание. И за скорые перемены, грядущие в нём.

Он благосклонно смотрит на Елизавету Воронцову.

Гоштинцы пьют и хлопают. Гости оживлённо переговариваются.

Сцена 6

Спальня императрицы. Екатерина лежит на постели, уткнувшись лицом в подушку, и горько плачет. Стремительно входит Дашкова и бросается к ее изголовью.

Д а ш к о в а. Ваше величество, я понимаю и разделяю ваше горе и безмерно сочувствую вам. Но до каких же пор можно терпеть это унижение?! Этот позор! Этот стыд! Этот пошлый, недостойный человек, ставший, по иронии, судьбы нашим единодержавным властителем, окончательно погубит и вас, и всех нас. Разве вы не видите это?!

Е к а т е р и н а (сквозь слёзы). Что же мне делать? Ведь я же и вправду приживалка! Несчастливая дочь полунитского немецкого князька, превратившаяся здесь в жалкую игрушку... В ненужную, ничтожную вещь...

Д а ш к о в а (убеждённо возражает). Вы — мать будущего наследника престола. Женщина редкого ума и достоинств. Как знать — возможно, само провидение определило вам роль будущей матери всей России!.. Подумайте об этом... *(Екатерина перестает плакать. Дашкова продолжает).* Неужели вас не возмущает эта каждодневная пустота, невежество и шутовство, царящее при дворе? Меня оно оскорбляет! И бесит!..

Е к а т е р и н а (вытирает слёзы и неожиданно признаётся). Милая моя! Если бы вы знали, сколько слёз я пролила! А сколько придинок, издевательств и унижений пришлось мне пережить!.. *(Поднимается).* Ведь я приехала в Россию четырнадцатилетней девочкой, и через год меня выдали замуж за моего несносного жениха... *(Удобней усаживается на постели и жестом приглашает туда собеседницу. Дашкова садится чуть поодаль. Екатерина продолжает откровенничать).* Даже не знаю, любила ли я

его? Пожалуй, хотела полюбить — ведь я была девочкой серьёзной и благонаправленной. Но через две недели после свадьбы он признался мне в своих пылких чувствах к одной из фрейлин!..

Д а ш к о в а (*изумлённо*). Признался?! Да неужели?..

Е к а т е р и н а (*с горькой усмешкой*). Представьте себе! Со мной он когда-то бывал поразительно откровенен. И возможно, потому, что никогда не принимал меня всерьёз. Вначале я была его случайной подружкой, а потом неизвестно кем.

Д а ш к о в а (*любопытствует*). Простите, ваше величество, а сколько лет ему было?

Е к а т е р и н а. Шестнадцать. Только возраст тут ни при чём. Сейчас ему тридцать четыре, и он по-прежнему не скрывает своего отношения ко мне. Даже не считает нужным скрывать.

Д а ш к о в а (*язвительно добавляет*). И делает это публично! Невзирая на любое окружение... Как это низко и гадко!

Е к а т е р и н а. Говоря по правде, я не понимаю, чем заслужила это презрение и злобу? Уже более десятка лет между нами идёт глухая, непрерывная война...

Д а ш к о в а (*поясняет*). Война между умом, рассудительностью, добротой и убожеством, высокомерием и бахвальством. И не пора ли, Ваше Величество, положить этому конец? Мне досадно это противоборство...

Е к а т е р и н а. Признаться, дорогая Catherine, мне это тоже порядком надоело. Но вы сами меня не однажды упрекали, что у нас нет ни малейшего плана...

Д а ш к о в а. К сожалению, ваше величество, это правда. Один благоприятный момент мы уже упустили...

Е к а т е р и н а. Упустили? Какой?..

Д а ш к о в а (*напоминает*). Смерть императрицы. Пока войска не были приведены к присяге, мы могли...

Е к а т е р и н а (*подхватывает*). Вполне возможно. А что теперь?..

Д а ш к о в а (*придвигается ближе*). Вы же сами слышали, что император собирается ехать в Кронштадт инспектировать флот. Значит, в столице его не будет несколько дней...

Е к а т е р и н а (*обращается в слух*). И вы полагаете?..

Д а ш к о в а. Ваше Величество, армия сплошь недовольна, в войсках назревает бунт... Измайловцы и семёновцы не хотят воевать с Данией...

Е к а т е р и н а. А преображенцы? Ваш муж у них вторым капитаном...

Д а ш к о в а (*едко усмехается*). Император на днях его разжаловал. Грубо и униЗИтельно, как он это умеет делать. И отправил его вон из столицы! Безо всякой вины со стороны Дашкова. Гвардия возмущена...

Е к а т е р и н а. Значит...

Д а ш к о в а. Значит, нам нужно воспользоваться всеобщим недовольством. Бунт всё равно произойдёт — и тогда придётся подавлять его силой. Прольётся кровь... Зачем это нужно России?..

Е к а т е р и н а (*в некоторой растерянности*). Но мне не хотелось бы проливать и капли крови...

Д а ш к о в а (*не понимает*). Что вы имеете в виду?

Е к а т е р и н а. Своего несуразного супруга.

Д а ш к о в а (*заверяет*). Он останется жить. Живет же несчастный Иоанн Антонович...

Е к а т е р и н а. Да. Но живёт в тюремном каземате.

Д а ш к о в а. Если император подпишет добровольное отречение от престола — а мы его в этом убедим — он будет волен жить, где захочет. Как свободный, частный человек. Я думаю, так и будет...

Е к а т е р и н а (*мечтательно подхватывает*). Если бы я имела хоть малую толику вашей уверенности и энтузиазма! Вот что делает молодость!..

Д а ш к о в а (*напоминает*). Ваше Величество, подумайте о судьбе России!

Е к а т е р и н а. Вы правы — он её погубит... И не задумается ни на секунду!..

Д а ш к о в а. Народ видит в вас свою избавительницу! Не обманите его!..

Е к а т е р и н а. Я приложу все силы! Во имя России!..

Сцена 7

Дом Дашковых. В гостиной граф Панин покойно сидит в кресле и листает адрес-календарь. Входит Григорий Орлов. Мужчины предупредительно раскланиваются.

Г р и г о р и й О р л о в (*докладывает*). Мне хотелось бы видеть княгиню Екатерину Романовну.

П а н и н. Я явился сюда по тому же поводу, господин поручик.

Григорий Орлов (*сжимая в руке шляпу*). Надеюсь, она не в отъезде? У меня до неё крайняя нужда.

Панин (*двусмысленно поясняет*). Ну, что поделаешь? Нынче наша княгинюшка прямо-таки нарасхват. Вплоть до самой императрицы. Я бы на её месте попросту сбежал!..

Орлов подозрительно смотрит на графа, и в это время раздаётся звон шпор. В зал входит Дашкова. Она в мундире офицера Преображенского полка. Мужчины оторопело смотрят на неё. Княгиня приветливо кивает обоим.

Панин (*потрясённо*). Catherine, как это понимать? Дорогая племянница, я озадачен...

Григорий Орлов (*нетерпеливо*). Княгиня, капитан Пассек арестован!

Дашкова (*взволновано*). Пассек арестован?! Но за что?!..

Григорий Орлов (*хмуро бурчит*). Как государственный преступник... Он пошёл в казармы успокаивать солдат, и майор Войсиков сразу арестовал его. Вот-вот должно быть начато расследование...

Панин (*обеспокоенно ворочается в кресле*). Но капитан ведь их успокаивал? Что же тут противозаконного?!

Орлов бросает прямой, испытующий взгляд на Дашкову.

Дашкова (*решительно распоряжается*). Господин поручик, отправляйтесь в полк и всё хорошенько узнайте. И мигом известите меня. От этого зависит наша судьба! Поторопитесь!..

Орлов молча кивает и быстро уходит.

Панин (*иронически восклицает*). O tempora! O mores! Что за жизнь пошла — женщины распоряжаются делами государства! (*Недоумённо качает головой*). Нет, правление матушки Елизаветы окончательно распустило россиян... А дурной пример заразителен!

Дашкова (*в тон ему*). Но что делать, дядюшка, если вы — наши мужчины — так малодушны и бездеятельны? Так беспечны и недалёковидны. Неужели вам безразлично будущее отечества? Я поражена!

Панин (*разводит руками*). Ma chere, ну скажи, чем тебя не устраивает наш император? Ну, хорошо — пусть он пустоват, грубоват, смешон... Но на него ведь можно повлиять! И ко всему прочему — он твой крёстный... Это тоже чего-нибудь стоит!..

Дашкова. Великой страной не должен править мелкий, ничтожный человек, не имея на это никакого морального права! В противном случае он разменяет всё на гроши. На жалкие медяки, в угоду своим прихлебателям...

Панин (*упорно*). Но он ведь не злодей, не деспот. И твоя сестра с ним прекрасно ладит...

Дашкова. Кроме моей сестрицы Елизаветы, он окружил себя сворой сластолюбцев, кутил и казнокрадов, не желающих ничего, кроме удовольствий и личного обогащения. Так недолго спустить и разворовать всё и вся...

Панин (*упрямо бурчит*). Казнокрадов у нас всегда хватало. Во все времена.

В зал быстро входит Алексей Орлов. Раскланивается с Паниным и хозяйкой.

Алексей Орлов. Григорий велел передать вам, княгиня, что капитана Пассека охраняют шестеро часовых. Следствие уже началось.

Дашкова (*нервно ходит по залу*). Это сигнал. Сигнал всем нам... Тогда действовать нужно немедленно! Где император? Он добрался до Кронштадта?

Алексей Орлов. Ещё нет. Но адмирал Талызин едва ли послушает его! Флот на нашей стороне. Я это знаю точно.

Дашкова. А где императрица? Где Екатерина?

Алексей Орлов. Она в Петергофе.

В зал с шумом входят Рославлев, Ласунский, Бредихин, Барятинский, Фёдор Орлов, брящая саблями и палашами.

Ласунский (*с ходу*). Княгиня, вы в курсе насчет капитана Пассека?

Дашкова. Да, господа, мне всё известно.

Барятинский (*мрачно*). Капитан держится молодцом, однако кто его знает...

Дашкова. Господа, сейчас не время для душевительных бесед!.. (*Быстро окидывает взглядом заговорщиков*). Вам надобно разделить — господам Рославлеву, Ласунскому и Бредихину нужно тут же спешить к измайловцам и поднимать их, а братья Орловы вместе с Барятинским должны доставить сюда, в столицу, Екатерину.

Алексей Орлов. Доставить? Позвольте, а на чём?

Дашкова. Моя карета в вашем распоряжении. Скачите!

Этот чёткий приказ действует безотказно.

Заговорщики поворачиваются и уходят, бряцая саблями.

П а н и н (*озадаченно качает головой*). Ну, племянница, ты сильна! И откуда у тебя это берётся? Дивлюсь!.. У меня нет слов!..

Д а ш к о в а (*чуть улыбаясь*). Это революция, дядя! Имейте это в виду!..

В зал входит граф Воронцов. Кланяется хозяйке и кузену.

В о р о н ц о в (*указывая на дверь*). Эти молодцы наверняка отправились на какой-то штурм... (*Замечает Дашкову в военном мундире*). Ба, моя племянница! Что я вижу? Что за маскарад?! Ты ли это?

Д а ш к о в а (*слегка смутившись*). Так нужно, дядя...

В о р о н ц о в. Нужно? Кому? Ты меня озадачила...

П а н и н (*с усмешкой*). Ты присутствуешь, mon cousin, при великом, переломном событии — перед тобой, как видишь, творится история! А она, как известно, требует соответствующих декораций и драпировок! Как же без них?

Д а ш к о в а (*с досадой*). Только не надо иронии, дядя! Разве я могла отдавать приказ офицерам...

В о р о н ц о в (*подхватывает*). Будучи в халате и ночных туфлях! Справедливо. Кстати, душенька, мундир тебе весьма к лицу. Charmante! А где твой супруг?

Д а ш к о в а (*сердито*). Император разжаловал его и отправил вон из Петербурга.

В о р о н ц о в. Опять очередной глупый кунштюк. Этот недалёкий человек бездумно озлобляет всех вокруг. На беду себе...

Д а ш к о в а (*укоризненно*). И вы, mon oncle, продолжаете ему верно служить!

В о р о н ц о в (*пожимает плечами*). Милая моя, я давал ему присягу. И не могу изменить ей, точнее — самому себе. Я слишком стар, чтобы вдруг менять свои пристрастия и убеждения. Увольте.

Д а ш к о в а (*любопытствует*). Но я надеюсь, что вы нас не выдадите?

В о р о н ц о в (*после недолгой паузы*). Разумеется, нет. Зато я лягу костью, чтобы не допустить на царство этого надутого фанфарона Гришку Орлова! Так и знай!..

Сцена 8

Подъезд Летнего дворца. Перед ним — густая толпа народа. Гремит оркестр. Растворены двери приходской церкви, видны священники в торжественном облачении.

Солдаты и офицеры-измайловцы вносят на руках Екатерину и Дашкову.

Они обе в военных мундирах. Разносятся крики: «Виват государыне Екатерине!

Слава княгине Дашковой! Да здравствует Россия! Долой никудышного монарха!

Да возродится отечество! Ура! Ура! Ура-а-а!..» Обеих Екатерин опускают на землю. Народ приветствует их и осыпает цветами. Сквозь толпу к императрице продирается Григорий Орлов. Из обшлага мундира он достаёт лист бумаги и протягивает ей. Екатерина разворачивает его и читает.

Дашкова делает знак толпе. Все замирают, даже оркестр.

Е к а т е р и н а (*торжественно возглашает*). Император Пётр III добровольно отрётся от престола! Он переехал в свое поместье Ропшу и намерен жить там жизнью частного человека.

Последние слова тонут в гуле радостных кликов:

«Виват, Екатерина! Виват, спасительница России! Да благословит Господь твои дни! Ура-а-а!..» В толпе появляется граф Панин, в мундире и с голубой Андреевской лентой через плечо. Рядом с ним князь Дашков.

Д а ш к о в (*бросается к жене*). Catherine!..

Д а ш к о в а (*радостно*). Michel!..

Они горячо обнимаются. Екатерина с завистью смотрит на счастливую пару.

Д а ш к о в (*с удивлением и обожанием восклицает*). Дорогая, тебя не узнать! Где ты раздобыла этот мундир?..

Д а ш к о в а (*весело смеётся*). Одолжила его у подпоручика Михайлы Пушкина! Мы с ним одного роста.

Д а ш к о в (*недоумённо*). А почему у тебя одна шпора? Где другая?

Д а ш к о в а (*небрежно*). Вторую я потеряла. Ты уж прости...

Окружающие хохочут. Дашкова подходит к графу Панину и протягивает руки к его Андреевской ленте.

Д а ш к о в а. Позвольте, дядюшка...

Граф, не понимая, снимает голубую ленту — высший знак отличия Российской империи. Дашкова торжественно подносит её Екатерине и помогает ей надеть ленту через плечо. Толпа раздражается аплодисментами и криками «ура».

Императрица знаками просит тишины.

Е к а т е р и н а. Я принимаю эту награду как знак высшего доверия и признательности всего нашего народа. И постараюсь заслужить её!..

Гремят аплодисменты.

Д а ш к о в а (*сообщает Екатерине*). Час назад, Ваше Величество, у меня был французский посол и предлагал деньги. В неограниченном, между прочим, количестве...

Е к а т е р и н а (*удивляется*). Предлагал вам деньги? На что?

Д а ш к о в а (*спокойно объясняет*). На нашу революцию.

Е к а т е р и н а. Вот как?! А вы?

Д а ш к о в а. Я, разумеется, ответила отказом. Россия не нуждается в чужих подачках — свои дела мы будем решать сами! Своим умом и нашими средствами.

Сквозь толпу к Екатерине пробирается князь Барятинский с озабоченным лицом.

Екатерина и протягивает царице клочок бумаги.

Е к а т е р и н а (*встревоженно*). Что это, князь?

Б а р я т и н с к и й (*просто*). Записка, Ваше Величество.

Е к а т е р и н а. Записка? От кого?

Г р и г о р и й О р л о в (*заглядывает через её плечо*). Это рука Алёшки. Ма chere, дай мне её, я разберусь скорее...

Екатерина не отдаёт ему листок, быстро пробегает его глазами и закусывает губу.

Е к а т е р и н а (*Барятинскому*). А где он сам? Где Алексей Орлов? Почему не явился сюда?

Б а р я т и н с к и й (*глухо*). Он пьян. Мертвецки. На ногах не стоит...

Д а ш к о в а. А отрёкшийся император? Что с ним?

Екатерина выразительно смотрит на неё.

П а н и н (*спасая положение, поднимает руку и делает шаг вперёд*). Господа! Самолично отрёкшийся от престола император Пётр III внезапно скончался апоплексическим ударом... Упокой, Господи, его душу в мире и согласии! Аминь... (*Крестится*).

Все окружающие осеняют себя крестным знамением. Григорий Орлов подаёт знак полковому оркестру, и музыканты играют траурный марш. Екатерина отходит от Орлова к чете Дашковых. А за сценой радостный людской гул и крики:

«Слався, Россия! Виват, Екатерина! Многие лета спасительнице Отечества!..»

Панин подходит к капельмейстеру, и траурная мелодия сменяется на богдую и жизнерадостную. Всеобщее ликование.

Действие II. БАБЬЕ ЦАРСТВО

Сцена 1

Кабинет Екатерины в Зимнем дворце. Императрица, постаревшая на два десятка лет, ее статс-дамы и секретарь Храповицкий перебирают бумаги.

Е к а т е р и н а (*озабоченно интересуется*). Вот это, надо полагать, прошлогодняя ведомость, а это что? Ничего не пойму... Ну-ка, подскажите, Александр Васильевич!

Х р а п о в и ц к и й (*поясняет*). Вероятнее всего, Ваше Величество, это какой-то черновик. Возможно, отчёт. Или случайная заметка. Может, даже денежная ведомость...

К а м е р - л а к е й (*входит*). Ваше императорское Величество! Светлейший князь Потёмкин!

Появляется массивная фигура князя.

Е к а т е р и н а (*оживляется*). Здравствуй, светлейший! Ты, как всегда, кстати. (*Потёмкин подходит, целует руку императрицы. Она брезгливо морщится, машет рукой*). Фу-фу, князь! Крепко, вижу, нагрузился. Опять, чай, наливка? Рябиновая? Вишнёвая?

П о т ё м к и н (*озорно улыбается*). Не угадала, матушка! Мадера. Из самой Гишпании. Уж не обессудь...

Е к а т е р и н а. Ладно, садись. Докладывай, с чем пожаловал?

П о т ё м к и н (*садится и бросает взгляд единственного глаза на бумаги в руках секретаря*). Никак материалы по делу Академии наук? Я угадал?

Е к а т е р и н а. Они самые. Я так полагаю, князь, что без твоего участия мы в них утонем. Что тут — правда, а что прямой подлог? Или, упаси Господь — казнокрадство? Как ты считаешь?

П о т ё м к и н (*просто поясняет*). Чего тут, матушка, голову ломать? Вор он и его присные тоже. Одна шайка...

Е к а т е р и н а (*не верит ушам*). Директор Академии?..

П о т ё м к и н. Мазурик он форменный. Посечь бы кнутом его не мешало да в кандалах в Сибирь спроводить. Туда ему и дорога!

Е к а т е р и н а. Ну, это уж слишком. Ты, князь, науку нашу не шибко жалуешь, а за ней тоже государево око требуется. Не так разве?

П о т ё м к и н. Так-то оно так, матушка... Только эти ученые мужи всё норовят от нашего догляда напрочь ускользнуть да свои тёмные делишки похитрей обделать! Что-бы комар носа не подточил...

Е к а т е р и н а (*шутливо напоминает*). А мы с тобой на что?..

П о т ё м к и н (*указывая на свой единственный глаз*). Куда же мне с одним-то оком? Разве за ними углядишь?

Е к а т е р и н а. А мои светлые очи тебя не вдохновляют? Ну-ка, признайся!

П о т ё м к и н. Вот ты, матушка-государыня, с Вольтером и Дидеротом переписку ведёшь... Как они к нашей-то науке относятся? Что о ней думают?

Е к а т е р и н а. Относятся они весьма прохладно, если не сказать хуже.

П о т ё м к и н. Это понятно. Мы для них — варварская страна. У нас медведи по улицам шастают, и сами мы в шкурах звериных ходим. Дело известное...

Е к а т е р и н а. Примерно так. (*Грозит Потёмкину пальцем*). И ты, князь, предлагаешь главу Академии в кандалы одеть и в Сибирь сослать? Представляешь — какой гвалт за границей поднимется! Ни приведи Господь...

Статс-гамы и секретарь в ужасе качают головами.

Е к а т е р и н а (*лукаво улыбается*). Там во всех газетах пропишут: «В этой дикой стране безжалостно преследуют науку. Учёных там подвергают пыткам и поношению. И везде царят темнота и невежество!»

П о т ё м к и н. Но он же вор, матушка! Плут форменный.

Е к а т е р и н а. Согласна, плут и вор. Только какой? Учёный. А это — особая статья. Наши законы на него не распространяются. Не про него они писаны.

П о т ё м к и н. Так что же прикажешь с ним делать, матушка? Орден ему дать?

Е к а т е р и н а (*обдуманно предлагает*). Прогнать его взашей и лишить всякого пенсiona. Вытолкать тихо и безо всякой огласки.

П о т ё м к и н. А как быть с Академией? Этих тунеядцев куда? (*Императрица размышляет. Потёмкин намекает*). Может, её тоже разо... распустить?

Е к а т е р и н а (*совершенно неожиданно вспоминает*). Скажи-ка, светлейший, а где теперь княгиня Дашкова? Она вернулась из-за границы?

П о т ё м к и н. Вернулась, матушка. Она всю Европу объездила, даже в туманном Альбione весьма вольготно проживала. Детей своих там обучала наукам разным.

Е к а т е р и н а. Мне это известно. И Дидро с Вольтером, я слышала, от неё без ума.

П о т ё м к и н (*проницательно смотрит на собеседницу*). И ты, матушка-государыня, никак решила...

Е к а т е р и н а. А почему нет? Если княгиня в таком фаворе у нынешних светил мировой науки — то почему нам этим не воспользоваться? Представляешь, какой шум поднимется в той же Франции!

П о т ё м к и н (*робко напоминает*). Да. Но она женщина...

Е к а т е р и н а. А я? Я, грешная? Или ты полагаешь, что женщина может занимать престол, однако не способна исполнять более серьёзные вещи? Это не её ума дело, что ли? (*Князь растерянно молчит. Екатерина заключает*). Решено. (*Обращается к секретарю*). Александр Васильевич, вы от моего имени напишете письмо княгине Дашковой, а ты (*Потёмкину*) употребишь всё своё красноречие, дабы убедить её занять должность директора Академии. И пусть это будет хорошей пилюлей хвастливым французам, надменным англичанам и... упрямым немцам!

П о т ё м к и н (*одобрительно*). Да, матушка! Это выйдет почище чирия на известном месте. Фурор на весь мир! Это без всякого сомнения.

Е к а т е р и н а. Ну, всё, князь. Ступай.

Князь целует царице руку и выходит, едва не столкнувшись в дверях с любовником императрицы Ланским.

Л а н с к о й (*искательно*). Я не помешал, ma chere?

Е к а т е р и н а (*с ласковой улыбкой*). Нет-нет, дорогой! Я рада видеть тебя. (*К приговорным*). Господа, оставьте нас.

Сцена 2

Приемная во дворце Потемкина. За столом князь и адъютант играют в карты. Потемкин сидит в халате, без парика, расстрепанный и опухший, его подчиненный в полной парадной форме со шнурами и аксельбантами.

Потёмкин. А что у нас теперь за козырей, братец? Ну-ка, подскажи.

Адъютант (*проворно*). Черви, ваше сиятельство!

Потёмкин (*задумчиво*). Черви, хм... Всюду черви... И тут черви, и там черви... А вот поди ж ты — козыри! И как с ними быть? То ли давить, то ли кормить...

Адъютант с тревогой смотрит на князя.

Слуга (*входит*). Ваше сиятельство, княгиня Екатерина Романовна Дашкова!

Потёмкин (*ошалело вскидывает голову, косит единственным глазом и громко рывкает*). Проси!

В приёмной появляется Дашкова. Повзрослевшая и строгая.

Князь бросает карты на стол, неловко встает, запахивает халат.

Дашкова (*миролюбиво и приветливо*). Доброе утро, ваше сиятельство! Простите за столь ранний визит.

Потёмкин (*слегка растерянно и озадаченно*). Нет, отчего же! Я очень рад, княгиня... (*Подходит и целует ей руку. Подаёт знак адъютанту*). Ты поди, братец. Пока не до тебя. (*Адъютант щёлкает каблуками и уходит*). Как ваше здоровье, Катерина Романовна?

Дашкова. Вашими молитвами, князь! Слава Богу, я здорова.

Потёмкин. Это превосходно. Покорнейше прошу садиться.

Дашкова (*усаживается и достаёт из ридикюля сложенный лист бумаги*). Я не смею отвлекать ваше сиятельство от важных государственных дел и потому сразу перехожу к своему. Вот мой ответ государыне. Извольте ознакомиться. (*Потёмкин, смущённо кряхтя, берёт бумагу, читает её и тут же рвёт на мелкие клочки*). Но позвольте, князь! Ведь это мой ответ Её Величеству! Как вы могли уничтожить его?! Я не понимаю...

Потёмкин (*безапелляционно*). Это не ответ, дорогая княгиня, а отказ. Вы искренне преданы государыне, в этом никто не сомневается, но зачем же вы хотите обеспокоить и огорчить её? Я тоже не понимаю...

Дашкова (*протестуя объясняет*). Поверьте, князь, эта должность не по моим силам. Я не думаю, чтобы государыня хотела унижить меня, но если бы она, скажем, определила мне роль начальницы над своими прачками — я приняла бы это назначение с меньшим огорчением... Но руководить Академией наук!.. Здесь мое невежество проявится в полной мере — ведь я не смогу сделать ни одного ложного шага, который бы не подорвал доверия к правительству, к самой государыне! Как можно?!..

Потёмкин. Этим вы доказываете, дорогая княгиня, что выбор государыни отнюдь не случаен. Ваша осмотрительность и щепетильность только помогут делу. Тут можно не сомневаться.

Дашкова. Послушайте, князь, разве дело в одной осмотрительности? Едва ли...

Потёмкин. Княгиня, сколькими языками вы владеете?

Дашкова. Я владею родным, французским, немецким, английским, итальянским, немного говорю по-испански. Знакома с латынью и древнегреческим. Вот, пожалуй, и всё.

Потёмкин. Дорогая княгиня, больше половины наших профессоров говорят и пишут только по-немецки, русский едва знают, а французский и английский... (*Безнадежно машет рукой*).

Дашкова. Но позвольте — надо же знать и точные науки: математику, физику, астрономию, химию...

Потёмкин (*с ехидцей перебивает*). Неужто вы с ними не знакомы? Мне почему-то не верится...

Дашкова (*мнётся*). Нет, отчего же? Кое-что я знаю, но не в полной мере...

Потёмкин. Все ваши предшественники, уверяю вас, не обладали вашими талантами и способностями ни в коем разе. А нынешний глава Академии ещё и на руку нечист. Вор и взяточник. Крал всё подряд.

Дашкова. Вы мне льстите, ваше сиятельство! И, тем не менее, я остаюсь при своём мнении. Эта должность не по мне.

Потёмкин (*с издёвкой*). Значит, Катерина Романовна, Вольтер и Дидро ошибались, считая вас одной из умнейших женщин нашего века? Вы ввели их в заблуждение? Каким же образом, не подскажете?

Дашкова. Не знаю, ваше сиятельство, ошибались ли они, но я в своей оценке верна — руководить Российской академией наук мне не подходит. Слишком велик риск...

Потёмкин (*нехотя соглашается*). Добро. Садитесь и напишите об этом государыне. (*Показывает на стол*). Вот вам перо и бумага. Однако я уверен, что все ваши доводы на Её Величество никак не подействуют. Она от задуманного не отступится.

Дашкова (*в нерешительности*). Так что же мне делать? Я жду вашей подсказки.

Потёмкин (*пожимает плечами*). Добиваться личной аудиенции. Поговорить с матушкой-императрицей с глазу на глаз... (*Усмехается*).

Дашкова (*встаёт*). Тогда, ваше сиятельство, позвольте мне откланяться.

Потёмкин (*целует ей руку*). Весьма признателен, сударыня, за визит. Буду крайне обязан.

Дашкова (*чуть приседая*). Прошу извинить и меня за беспокойство.

Потёмкин (*искренне*). Ну, что вы, княгиня, я всегда рад вам услужить! И весьма сожалею, что не имел чести знать вашего покойного мужа. Это был храбрый офицер. (*Дашкова склоняет голову, поворачивается и уходит. Потёмкин идёт к столу и кричит*). Иди сюда, братец! Как тебя там? (*Берёт в руки карты*).

Адъютант (*появляется, звеня шпорами*). Я здесь, ваше сиятельство!

Потёмкин. Надо же, любезный, доиграть! В конце концов кто-то должен остаться в дураках. Как же без этого?

Сажатся за стол.

Сцена 3

Аллея Царскосельского парка. На скамейке в одиночестве сидит императрица.

Она в чепце, легком пальто и чертит зонтиком что-то на земле.

Дашкова (*появляется*). Прошу великодушно простить меня, Ваше Величество, но мне было дозволено нарушить ваше уединение.

Екатерина (*радушно восклицает*). Полноте, дорогая княгиня! Я всегда рада видеть вас. Наконец-то вы вернулись в родимые края! (*Дашкова подходит и целует государыню руку*). Садитесь, дорогая. И давайте без церемоний — нас с вами слишком многое связывает, чтобы тратить время на всякие условности, верно?

Дашкова (*садится на скамью*). Я согласна, сударыня.

Екатерина. Вот так-то оно лучше. (*Оглядывается по сторонам*). А вы заметили, Catherine, какая нынче тихая, вкрадчивая осень? Она как будто околовывает, завораживает всё вокруг. Утешает и убаюкивает. Ни о чем не хочется думать, а только слушать и смотреть. Созерцать тлен и увядание. Это чары осени...

Дашкова (*искренне восклицает*). Вы поэт, сударыня!

Екатерина. Поэт — Державин, а я только неловкий подражатель. (*Внимательно смотрит на собеседницу*). Однако вы, надо полагать, пришли ко мне не за творческим вдохновением? Ведь так?

Дашкова. Вы правы. У меня нынче иной настрой. Как ни тяжело мне в этом признаться...

Екатерина (*погхватывает*). Но должность главы Академии вам не по нраву? Уж лучше заведовать прачками! Не так ли? (*Дашкова теряется. Екатерина продолжает*). А вам не кажется, дорогая Catherine, что это в высшей степени неразумно и расточительно? Женщину с вашим умом и талантами заставлять стирать чужое грязное бельё! Для этого занятия всегда найдётся кто-то поглупее и попроще. (*Выдерживает паузу*). Допустим, ваша сестра Елизавета. (*Дашкова молчит. Екатерина смягчается*). Кстати, как она поживает? Моя давняя соперница.

Дашкова. Lise замужем за графом Полянским. У неё уже взрослая дочь. (*Екатерина внимательно слушает*). Я хотела покорно просить Ваше Величество принять её дочь ко двору фрейлиной, если это возможно.

Екатерина. Считайте, что она уже принята. Я ни на кого не держу зла. (*Дашкова с признательностью склоняет голову*). Княгиня, вы объехали всю Европу, побывали даже там, где мне не довелось бывать. Видались и подолгу беседовали со многими весьма значительными и замечательными людьми. И речь там наверняка заходила о России. (*Делает паузу*). И обо мне тоже. Я не ошибаюсь? (*Дашкова согласно кивает головой*). Так что они говорят? Хотелось бы услышать.

Дашкова (*охотно признаётся*). Говорят разное. Умные произносят умное. Глупые — глупое. Некий бойкий француз — Рюльер — недавно выпустил книгу под громким названием «Мемуары о революции 1762 года». Меня он изобразил наложницей моего дяди графа Панина, а вас закоренелой интриганкой. Вы якобы замыслили убить своего мужа сразу после бракосочетания. Буквально на следующий день.

Екатерина (*возмущённо*). Какая чушь! Я никогда не желала его смерти. И если бы не пьяная выходка Алёшки Орлова — он до сих пор был бы жив. Уж поверьте!..

Дашкова (*не соглашается*). Но вы ведь не наказали убийцу...

Екатерина (*некоторое время молчит, потом находит ответ*). Я думаю, что в общественном мнении, особенно там — за границей, — это меня бы не оправдало. Скорее, наоборот — досужие борзописцы изобразили бы русскую царицу ещё более изощрённой злодейкой. И написали бы примерно так: «Вначале она подослала к мужу наёмного убийцу, а потом казнила его, чтобы замести следы». Это наверняка.

Д а ш к о в а (*поясняет*). Они полагают, что Алексей Орлов — ваш любовник.

Е к а т е р и н а. Иного я и не ждала. Людская молва всегда выбирает крайности: или жгучая ревность, или омерзительное коварство.

Д а ш к о в а. И на краски они не скупятся.

Е к а т е р и н а. Можно себе представить! (*Она уходит мыслями в прошлое*). Но стоит мне вспомнить те сумасшедшие июньские дни... Вы помните ту суматоху, сомнения, колебания и неожиданный порыв... (*С волнением смотрит на собеседницу*). А жгучее нетерпение, которое охватило всех нас! Тот восторг и душевный подъём! Вы помните это? (*Искренне признаётся*). Это лучшие дни моей жизни.

Д а ш к о в а (*с наименьшим азартом*). Это было истинно всенародное движение! Те святые минуты, которые объединяют всех отважных, решительных и стойких людей! Ведь решалась судьба отечества! И, слава Богу, решилась.

Е к а т е р и н а (*благодарно*). И вы, Cathtrine, были душою переворота! Если бы не ваш отчаянный призыв, не ваша смелость и твёрдость...

Д а ш к о в а. Это была революция, сударыня! Революция, в которой есть свои герои и жертвы.

Е к а т е р и н а. И главной её жертвой стала жизнь моего мужа.

Д а ш к о в а (*в тон*). А я вскоре потеряла моего Мишеля — его унесла горячка.

Е к а т е р и н а. Мы обе вдовы. И только одному Богу известно, чья судьба горше. Ведь вы своего мужа искренне любили...

Д а ш к о в а. Я до сих пор его люблю.

Е к а т е р и н а (*с лёгкой завистью*). И он любил вас... (*Дашкова склоняет голову*). А теперь скажите мне, что говорят умные люди — Вольтер, Дидро, д'Аламбер?

Д а ш к о в а (*охотно*). Старик Вольтер от вас в невероятном восторге. Он уверен, что России несказанно повезло, что ею правит такая государыня, как вы. (*Восторженно смотрит на соседку*). Он считает вас самой просвещённой и гуманной правительницей в Европе. В пику другим государям. То же думают Дидро с д'Аламбером.

Е к а т е р и н а. Я ведь выросла на книгах Вольтера.

Д а ш к о в а (*искренне*). И мне это тем более приятно, что мысли великих людей и мои собственные совпадают. Я верила в вас с самой ранней юности. И не ошиблась.

Е к а т е р и н а. Спасибо, Catherine! Я тоже всегда доверяла вам — надеюсь, так будет и впредь. Очень надеюсь. (*На дорожке появляется князь Потёмкин. В руках у него лист бумаги, гусиное перо и походная чернильница*). У тебя ко мне что-то спешное, свежелейший?

П о т ё м к и н. Указ, матушка-императрица, надо подписать. Иначе бы я не осмелился вас тревожить.

Подходит и протягивает царице бумагу. Раскланивается с Дашковой. Екатерина внимательно читает, затем берёт из чернильницы перо и ставит размашистую подпись. Показывает бумагу княгине.

Д а ш к о в а. Что это, Ваше Величество?

Е к а т е р и н а. Указ о вашем назначении директором Академии наук и искусств.

Д а ш к о в а. Ваше величество, но...

Е к а т е р и н а (*твёрдо*). Княгиня, мы только что говорили о доверии. (*Поднимает вверх бумагу*). Этот указ — свидетельство моего глубочайшего доверия к вам. И да-вайте больше не будем об этом. К чему?

Дамы встают, и все трое медленно удаляются по аллее.

Сцена 4

Актовый зал Академии наук и искусств. Здесь и там собрались кучки профессоров, адъюнктов, инспекторов и библиотекарей. Все растеряны, встревожены и возбуждены.

Разносятся реплики: «Гофорят, государыня есть весьма разгневана...» — «А на днях, говорят, начнется следствие и суд...» — «Неужель суд?! Но позвольте, а над кем?» — «А вы, милостивый государь, не догадываетесь? Завидная слепота!..» — «Давно пора — превратили Академию в свои личные закрома!..» — «Ну, это уж вы, сударь, чересчур!

Не закрома, а тайники!..» В зал входят ученый секретарь и княгиня Дашкова.

У ч ё н ы й с е к р е т а р ь (*громогласно*). Господа, покорнейше прошу внимания! Мне выпала высокая честь представить вам нового директора Академии — княгиню Екатерину Романовну Дашкову! Согласно указу Ея императорского Величества Екатерины II, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая...

Присутствующие ещё более обеспокоены.

Молчание из недоумённого обращается в злое.

Д а ш к о в а (*делает шаг вперёд*). Господа! Я разделяю ваше безмерное удивление

и понимаю его. Скажу больше — я удивлена не менее вашего, поверьте. Когда Её Величество предложила мне эту должность — я категорически была намерена отказаться. И пыталась сделать это. Однако государыня сумела меня переубедить. Видя ваше вполне понятное изумление, я замечаю ещё и явное недовольство. Как! Вам в руководители назначают женщину! Какой позор! Стыд! Крушение всех основ!.. *(Профессора ошеломлены. Дашкова не сбавляет тон)*. Мало того, что я — существо низшей природы, так сказать — сосуд скудельный, я ещё не имею никаких учёных степеней! Не так ли? К вашему сведению, глубокоуважаемые господа, живя в Италии, я могла за сотню дукатов купить себе любое учёное звание — вплоть до доктора философских наук! Однако же я и не подумала об этом... И между прочим, мой предшественник на этой должности тоже не имел никаких учёных званий, но вас это абсолютно не смущало. Ведь это был мужчина! И этого вполне достаточно, не так ли? *(Аудитория явно растеряна)*. И пусть он не был чист на руку, пускай он нагло обкрадывал и вас, и науку — вы это покорно терпели, поскольку и вам кое-что перепадало!..

Один из профессоров. Это неправда, княгиня! Терпели не все. Кое-кто этим искренне возмущался.

Дашкова. Я согласна с вами, профессор Эйлер. Вы были одним из немногих, кто этому противостоял. Но теперь, даю вам слово, со всеми безобразиями будет покончено навсегда.

Другой профессор. Директора отдадут под суд?

Дашкова. Нет, суда не будет. Государыня настолько великодушна, что решила попросту отстранить его от должности. Но я получила твёрдый наказ впредь ничего подобного не допускать.

Третий профессор. Frau Daschkoff...

Дашкова *(недовольно останавливает его)*. Господин профессор, давайте говорить по-русски. Мы с вами находимся в стенах Российской академии!

Профессор *(нехотя соглашается)*. Карашо. Вы не изволить сообщить нам свои планы? Это есть крайне любопытно.

Дашкова. Простите, но вы не представились.

Профессор *(через силу)*. Профессор Штелин.

Дашкова. Профессор, извините, чего?

Профессор *(важно)*. Профессор аллегории.

Дашкова *(после секундной паузы)*. Ваша должность будет наверняка упразднена.

Профессор *(возмущённо)*. Как это понимать? Сам покойный кайзер Питер III пригласил меня в Россию. А что есть теперь?

Он обращается к коллегам. Те выжидательно молчат.

Дашкова *(более мягко)*. Я не собираюсь, уважаемые господа, ничего скрывать от вас. Моя деятельность станет открытой и гласной. Основное внимание будет в дальнейшем сосредоточено на науках бесспорных: математике, физике, химии, естественной истории. Аллегория тут неуместна. *(Раздаются негромкие аплодисменты)*. Но для начала мы рассчитаемся со всеми долгами, а потом я обязуюсь значительно повысить ваше жалование. *(Аплодисменты усиливаются. Дашкова прерывает их)*. Но и от вас, уважаемые господа, потребуются немалые усилия — разбрасываться деньгами я не намерена. Только действительный вклад в науку будет достойно вознаграждаться. Иного не будет! *(Аплодисменты стихают. Дашкова поясняет)*. Я ознакомилась с работой Французской и Британской академии наук и подробно осведомлена, как там идут дела. Надеюсь, что и в Российской академии они пойдут не хуже.

Чей-то голос. А в искусстве?

Дашкова. А об искусстве мы поговорим на следующей встрече. И теперь, глубокоуважаемые господа, позвольте мне откланяться!

Она чуть склоняет голову. В ответ раздаются нестройные хлопки.

Княгиня выходит. Аудитория распадается на мелкие кучки.

Сцена 5

Берег озера в Петергофе. В зарослях густого камыша и осоки притаилась императрица. Она в мужском охотничьем костюме, на поясе у нее патронташ, в руках двуствольное ружье, на голове небольшая шляпа с перышками. Из-за кустов появляется царский егерь, вслед за ним, осторожно ступая, идет княгиня Дашкова.

Екатерина сердито косится на них, поднося палец к губам. Путники замирают.

Раздается плеск воды. Царица резко встает, вскидывает ружье и спускает курки.

Гремит один выстрел, второй.

Екатерина *(азартно)*. Вот чёрт! Промазала! *(Раздосадовано опускает ружье)*. Ладно. Повезёт в другой раз. *(Кивком подзывает к себе случайных свидетелей)*.

Д а ш к о в а (*погочит*). Прошу прощения, Ваше Величество, я, как всегда, не вовремя...

Е к а т е р и н а (*протягивает ей руку*). Будем вам, княгиня! Я же сказала, что готова принять вас в любое время и в любом месте. (*Егерю*). Пойди узнай, как там дела у других?

В это время издалека доносятся ружейные выстрелы.

Егерь проворно удаляется. Царица опускается на траву, кладёт рядом ружье.

Княгиня, глядя на неё, тоже подбирает дорожное платье, садится.

Е к а т е р и н а. Раньше я неплохо стреляла. Удачней многих мужчин. Но любила охоту не ради этого. И, конечно же, не ради трофеев.

Д а ш к о в а. А почему, сударыня? Вы искали уединения?

Е к а т е р и н а. Я самозабвенно увлекалась верховой ездой и даже придумала себе седло, в котором удобно было сидеть и по-мужски, и по-дамски. Его можно было раздвигать как хочешь и укорачивать или удлинять каждое стремя. И почти каждый день я седлала лошадь и скакала с утра до вечера! (*Уходит в воспоминания*). А ещё я страстно любила танцевать и однажды переплясала знаменитую танцовщицу мадам Арнгейм! Волосы у меня были длинные, густые и довольно красивые и очень тонкая талия. (*Хлопает себя по животу*). Не то что сейчас.

Д а ш к о в а. Ну, что вы, сударыня! Вы и сейчас замечательная женщина.

Е к а т е р и н а. Вы мне льстите, Catherine! А впрочем, не будем об этом. Как ваши дела в Академии? Учёные мужи не досаждают вам?

Д а ш к о в а. Именно по этому поводу я и позволила себе беспокоить вас.

Появляется егерь. В его руках три утиные тушки.

Е к а т е р и н а. Что это, Степан?

Е г е р ь (*угожливо*). Ваша добыча, матушка-государыня, стало быть.

Е к а т е р и н а (*удивлённо*). Три утки? Но я же стреляла дважды. И оба раза мимо.

Е г е р ь (*пожимает плечами*). Удача, видать, привалила! Может, ружье не так кучно бьёт — дробь летит куда попало... Всяко бывает.

Е к а т е р и н а (*хмуро*). Ладно. Оставь их. И собирай всех — пора обедать.

Е г е р ь (*привычно кланяется*). Слушаюсь, матушка-государыня! (*Уходит*).

Е к а т е р и н а (*кивает ему вслеп*). Вот так, дорогая княгиня, прокладывает себе дорогу лесть и раболепие.

Д а ш к о в а (*прегнолагает*). Но возможно, сударыня, что две утки из трех ваши. Или хотя бы одна.

Е к а т е р и н а. Нет, Catherine, я прекрасно видела, что позорно промахнулась.

Д а ш к о в а (*осторожно*). Это может случиться с каждым. Всё в руке Божьей...

Е к а т е р и н а (*проницательно смотрит на собеседницу*). У вас там что-то не складывается? Скажите откровенно. Ученые — народ неуживчивый и своенравный...

Д а ш к о в а. Я не могу утверждать наверняка, Ваше Величество, но есть сомнения в нынешнем положении вещей...

Е к а т е р и н а. Сомнение? В чем конкретно?

Д а ш к о в а. Мне хотелось бы, если это возможно, увеличить штат Академии наук и отделить её от искусства.

Е к а т е р и н а (*искренне смеётся*). Отделить овец от козлиц? Дело нехитрое.

Д а ш к о в а (*тоже с улыбкой*). Ну, зачем же? (*Собирается с мыслями*). Российская наука должна прочно стать на ноги и заговорить на своём родном языке. Вам не кажется странным, что до сих пор мы не имеем своего родного словаря? Что наша речь густо засорена галлицизмами, германизмами, англицизмами и прочими чужеродными словами. А русский язык богат и гибок...

Е к а т е р и н а. Согласна. И хотя сама я немка, но меня коробит от всего этого. Надоело слышать эту тарабарщину! Это какое-то издевательство над природой и нравами.

Д а ш к о в а. А ещё я хотела бы приблизить науку к людям...

Е к а т е р и н а (*якобы не понимая*). То есть?

Д а ш к о в а. Мне хотелось бы, чтобы в стенах Академии читались лекции для публики, дабы образовать наше офицерство и сыновей бедных дворян. Им бы сие точно не помешало.

Е к а т е р и н а. Я горячо поддерживаю это! Мысль весьма здравая. (*После паузы*). А как всё-таки быть с искусством? Оставить его без призора?

Д а ш к о в а. Почему-то здесь, Ваше Величество, мне вспоминается мудрое изречение императора Карла V: «Искусство должно быть мне благодарно — я в него не вмешивался!» И заметьте — ведь французский король не водил рукою Вольтера, и вы, сударыня, не стояли за спиной Фальконе, когда он отливал памятник Петру. Разве не так?

Е к а т е р и н а. Чего не было — того не было. И Державина я не учила сочинять стихи, а сама училась у него. А учиться было чему!

Д а ш к о в а (*радостно*). Вот видите! Всё образуется само — надо лишь создать к тому условия...

Е к а т е р и н а. Если только у нас хватит сил...

Д а ш к о в а. Хватит. Недаром вас называют Екатериной Великой!

Е к а т е р и н а. А вас, дорогая?

Д а ш к о в а. А я — Екатерина маленькая.

Обе весело смеются. На поляне появляются придворные — гамы и кавалеры, одетые в живописные охотничьи костюмы, сопровождаемые егерями и слугами.

Среди вельмож — любовник царицы Ланской. Он походит к Дашковой.

Л а н с к о й. Её Величество во время охоты не терпит ничьего присутствия, а вам это удалось! Не поделитесь секретом, княгиня?

Д а ш к о в а. А вы, сударь, просто любопытствуете или смертельно завидуете?

Л а н с к о й. Ни то, ни другое. Я поражён.

Д а ш к о в а. Надеюсь, вы поражены не в самое сердце? Вам оно ещё пригодится.

Е к а т е р и н а. Господа! Будем считать, что охота была удачной. Я двумя пустыми выстрелами поразила трёх уток! Каково? Совсем как барон Мюнхгаузен. (*Все угожливо смеются. Государыня распорядается*). А теперь накрывайте стол! Отметим свои удачи и промахи. (*Заговорщицки смотрит на Дашкову*).

Слуги расстилают парчовую скатерть, расставляют блюда с обильным угощением, фруктами и вином. Придворные, ревниво переглядываясь и перешёптываясь, зорко следят за императрицей, которая заинтересованно говорит с Дашковой.

Импровизированный стол, наконец, накрыт.

Е к а т е р и н а (*широким жестом указывает на вина и закуски*). Прошу, господа! Располагайтесь, как кому угодно.

Ланской угожливо подсакивает к ней, пытаясь как можно бережней и ловчее усадить свою владычицу. Она охотно принимает его ухаживания. Слуги разливают вина.

Е к а т е р и н а (*поощрительно*). За что будем пить? Господа, кто скажет первый тост? Смелее!

В это время доносится дробный перестук копыт, звон шпор.

На поляне появляется высокий, статный молодой офицер. Он чеканным шагом подходит к пирующим и вытягивается в струну, ища взглядом императрицу.

Дашкова вздрагивает и порывается встать.

Е к а т е р и н а (*властно*). Я вас слушаю, господин подполковник!

О ф и ц е р (*докладывает*). У меня для вас, Ваше Величество, срочная депеша от фельдмаршала, светлейшего князя Потёмкина!

Е к а т е р и н а. Соболаговолите вручить её!

Посыльный протягивает царице конверт. Она ломает сургучную печать и достаёт лист бумаги. Дашкова не сводит глаз с лица офицера, и он, наконец, замечает её.

Смущается и опускает голову. Придворные пожирают взглядами императрицу.

Она широко улыбается, и они тоже расплываются в улыбках.

Е к а т е р и н а (*любопытствует*). Как ваше имя, господин подполковник?

О ф и ц е р (*щёлкает каблуками*). Князь Дашков, Ваше императорское Величество!

Е к а т е р и н а (*удивлённо*). О-о-о... (*Поворачивается к княгине*). Это ваш...

Д а ш к о в а. Да, Ваше Величество, это мой сын Павел. (*Горделиво улыбается*).

Е к а т е р и н а (*поднимается на ноги*). Князь Дашков привёз нам долгожданное известие о блистательном завершении крымской кампании. Теперь Новороссия и Крым навсегда принадлежат России! Виват, господа!

Придворные шумно встают и нестройно подхватывают.

Царица тянется за бокалом. Ланской услужливо подает ей его.

Е к а т е р и н а (*любезно*). Князь, обнимите же свою мать. Вы — её достойный сын!

Офицер пробирается сквозь толпу вельмож, неловко обнимает Дашкову.

Княгиня нежно гладит сына.

Е к а т е р и н а. Вот вам и первый тост — за благо и величие России! За её блистательные победы! Ура, господа!

Придворные дружно поднимают бокалы. Царица даёт знак Ланскому, чтобы тот поднёс ей ружьё. Любовник выполняет приказ.

Е к а т е р и н а (*пьёт, потом вскидывает оружие*). Салют во славу России! Да осенит её своей благодатью Господь! Ура!

Раздаются выстрелы. Придворные тоже хватают ружья и гружно палят. На поляне гуляют отчаянные и беспорядочные залпы.

Сцена 6

Библиотека Академии наук. В ней царят тишина и покой.
Пожилый библиотекарь аккуратно расставляет на полке толстые тома.
Входит его помощник, неся в руках очередную партию книг.

Библиотекарь (*недовольно*). А это ещё что? Клади вон туда, на стол. В стопку.
Помощник библиотекаря. Это тот самый... Как его? Словарь.
Библиотекарь (*поправляет*). Лексикон, грамотей! Из типографии, должно?
Помощник: Оттуда. (*Опускает книги на стол*). Печатники-то бают — это ещё не конец. Токмо начало, смекаешь?

Библиотекарь. Добро бы романы какие! Французские там или наши. А то одни слова! Скукотища.

Помощник. А слова-то какие? Чай, заповедные?

Библиотекарь (*ворчит*). Какое там — заповедные! Обыкновенные. Русские. И ругательные даже.

Помощник (*удивляется*). Да ну! А ежели, допустим...

Доносятся шаги и шум платья.

Библиотекарь (*делает большие глаза*). Тш-ш-ш, сама!..

В библиотеку входит Дашкова в сопровождении учёного секретаря.

Дашкова. Добрый день, Алексей Семеныч! Здравствуй, Фёдор! (*Служители молча кланяются*). Как тут у вас идут дела? Вижу, что идут. (*Подходит к столу, замечает стопку книг, снимает перчатки*). Это лексикон? Наконец-то! (*Берёт в руки одну из книг, листает страницы. Показывает учёному секретарю*). А ведь неплохо, Сергей Петрович? Не хуже, чем у французов. Что скажете? Первый русский словарь! Начало нашего просвещения.

Учёный секретарь. А по-моему, Екатерина Романовна, мы и немцам нос утёрли. Самому герру Палласу с его хвалёным диксионером!

Дашкова (*к библиотекарю*). От Храповицкого посыльный не приезжал?

Библиотекарь. Никак нет, сударыня. Одни мы тут с Фёдкой.

Княгиня перебирает книги. Листает страницы, рассматривает обложки.

Дашкова. Фёдор, ты опять рук не мыл? Вот наказание! Ну, сколько можно? (*Помощник библиотекаря покаянно опускает голову, пряча за спину увесистые глани*). Я сколько раз напоминала тебе — обязательно мой руки, когда книги приносишь! (*Секретарю*). Сергей Петрович, выдайте ему, ради бога, перчатки.

Учёный секретарь. Хорошо, сударыня. Выдам непременно. Тотчас же.

Дашкова. А представьте себе, если эта книга попадет в руки к самой государыне? Что она скажет? На днях она ею интересовалась.

Секретарь укоризненно смотрит на Фёдора. Тот сжимается под его взглядом.

В библиотеку медленно входит мужчина в тёмном сюртуке.

Дашкова (*обрадованно*). Господин Храповицкий! Вы как раз вовремя! И весьма кстати. (*Храповицкий, личный секретарь императрицы, молча раскланивается. Вид у него мрачный и подавленный. Дашкова не сбавляет тона*). Вы можете передать Её Величеству, что часть тиража у нас готова и уже переплетена... (*Замечает траурный облик Храповицкого*). Что-то случилось?

Храповицкий (*скорбно*). О да, Екатерина Романовна... Беда случилась... (*На минуту умолкает*). Государыня скончалась.

Дашкова (*ужасается*). Что?! О, Господи! Не может быть! Как же так?!..

У княгини подкашиваются ноги. Она оцупью находит стул и оседает на него.

Библиотекарь хватается со стола графин и мигом наполняет стакан.

Секретарь подносит воду Дашковой. Она вначале пытается отказать, потом делает несколько судорожных глотков.

Дашкова (*едва слышно*). Когда? Когда это случилось? Как?

Храповицкий. Вчера пополудни. Упала — и всё! Конец.

Дашкова. Лучше б я сама умерла... Ах, какое несчастье! Горе какое... Ужас...

Учёный секретарь. Екатерина Романовна, может, вам следует отправиться домой? Я тотчас распорядюсь.

Дашкова. Погодите, Сергей Петрович. Дайте с силами собраться. И с мыслями.

Учёный секретарь. Конечно-конечно! Я думал, так лучше...

Дашкова. Никто не знает, как лучше... (*Обращается к Храповицкому*). Госуда-

рыню уже отпевают? Где?

Храповицкий. Нынче с утра. Во дворцовой церкви.

Дашкова. А вы? Почему вы здесь?

Храповицкий. Меня уволили от должности и выставили вон. Теперь я не имею права являться ко двору.

Дашкова (учёному секретарю). Я должна быть там. С ней... Сергей Петрович, распорядитесь приготовить карету.

Учёный секретарь. Как прикажете, княгиня! Фёдор, скажи кучеру, чтобы закладывал. (Помощник библиотекаря выходит, а Храповицкий пытается удержать княгиню). Мне кажется, ваше сиятельство, вам не следует спешить...

Дашкова (недоумённо). О чём вы говорите? Как можно? Я должна отдать последний долг покойной! Нас столько связывало! Ах, какое горе! Что всех нас ждёт?.. Это беда для всей России...

Храповицкий. Вот именно. Поэтому и не надо торопиться...

Дашкова возмущённо и озадачено смотрит на говорившего.

Повисает тяжёлая пауза. Появляется помощник библиотекаря.

Дашкова (нетерпеливо). Уже? Карета готова? Тогда позвольте откланяться...

Фёдор (неловко протягивает конверт). Вот. Велели передать.

Учёный секретарь. Кто велел?

Фёдор. Офицер какой-то.

Учёный секретарь (берёт из его рук конверт и читает). Президенту Российской академии наук княгине Дашковой. Лично.

Вручает ей конверт. Дашкова вскрывает его и быстро пробегает глазами.

На лице её — гнев, обида и недоумение.

Дашкова. Мне приказано немедленно оставить свой пост и отправиться в своё родовое имение, под домашний арест... И жить там вплоть до особого распоряжения... Как вам это нравится?

Храповицкий (гогадливо). Подписал сей приказ сам наследник? Павел Петрович?

Дашкова. Нет. (Вчитывается в текст). Подписал некто Данауров. И ни чина, ни звания. Бред какой-то...

Храповицкий. Это ключник наследника. Смотритель его винных погребов.

Дашкова. Вот как? Тем самым он решил меня унижить! Ну, что ж — это ему удалось. А дальше последует месть... (Она оглядывает присутствующих. Все выжидательно молчат. Дашкова собирается с мыслями). Прощайте, господа! Не поминайте меня лихом!..

Учёный-секретарь, старик-библиотекарь и его помощник восклицают хором:

«Ну, что вы — ваше сиятельство! Как можно! Мы за вас Бога вечно будем молить!..»

Княгиня решительно надевает перчатки.

Библиотекарь (показывает ей на столу словарей). А с этим, ваше сиятельство, как быть?

Дашкова (после минутного раздумья). С лексиконом? Сохрани. Может быть, когда-нибудь пригодится. Хочется верить, что наши труды не пропадут даром...

Библиотекарь (подобострастно). Слушаюсь.

Дашкова (предлагает Храповицкому). Александр Васильевич, я могу вас подвезти. В моей карете место найдётся.

Храповицкий. Благодарю покорно, сударыня. Но я нанял извозчика...

Дашкова (пожимает плечами). Как хотите, я не могу настаивать.

Они оба идут к выходу. Впереди — княгиня, следом за ней —

секретарь покойной императрицы. В библиотеке остаются трое мужчин.

Библиотекарь. Как всё это понимать, сударь? И что нас теперь, грешных, ждёт?

Учёный секретарь. Как понимать? (Делает паузу). Понимать надо так: завершилась эпоха двух Екатерины. Двух великих женщин, а дальше — туман и неизвестность.

Библиотекарь. Кончилось, значит, бабье царство? Кануло в эту самую, как её?.. В Лету.

Учёный секретарь. Ты напрасно радуешься, старик! Никто ещё не доказал, что мужицкое царство несравненно выше. Ну, хотя бы добрее и милосерднее. Примеров тому в истории нет, и мы с тобой наверняка их не увидим. На том и будем стоять... Авось, переждем...